

*Все описанные ниже события вымышлены,
любое сходство с реальностью носит
исключительно случайный характер.*

Пролог

РЕШЕНИЕ О ЛИКВИДАЦИИ, ПРИНЯТОЕ НЕ МНОЙ

*Россия. Урал. Северная окраина
г. Краснобельска. 28 февраля 20... года.*

Лето, а за ним и очередная осень закончились, и теперь вокруг стояла уже помаленьку начинавшая надоедать зима. Можно в который уже раз вспомнить трофимовскую песню про давно забытые праздники, свежий календарь потолка справочника и робкую надежду на то, что весь этот долбаный снег и лёд когда-то да растает. Нет, безусловно, весна придёт, но и в снежной холодрыге надо как-то жить. Ну и, как обычно, наша длинная зима хороша для кабинетной работы, да и спать под метель очень хорошо, не то что в июле. Вот только не подумайте, что я, как в том анекдоте, такой уж противник тёплой водки и потных женщин...

Ну да ладно, что ещё такого значимого вспомнить? Эпидемия, все мозголомные масштабы которой в конце лета можно было оценить, только побывав на кладбище (поглядеть на количество свежих захоронений и тихо офигеть), с одной стороны, продолжала бить рекорды, а с другой стороны — постепенно и незримо смещалась куда-то на уровень обычной сезонной хвори. Вроде грип-

па. Хорошо это или нет — не знаю, не специалист. Но ведь всё плохое тоже когда-нибудь кончается. Что ещё? Война? Ну а что война? С холодной мы довольно давно живём, уже свыклись. Хотя, конечно, после одной памятной февральской ночи, когда шутки наконец кончились и произошёл неожиданный переход от разговоров к делу, всё стало значительно интереснее и серьёзнее. То есть засыпать с ощущением того, что можешь и не проснуться (и за компанию с тобой не проснётся ещё как минимум полмира) волнительно, но ровно до того момента, пока чётко не понимаешь, что эти заокеанские ребята на перфокартах категорически не готовы замутить ядерную войну и красиво сдохнуть за свои идиотские идеалы. А разные там болгарские цари, румынские бояре, псы-атаманы, польские паны, лимитрофные бароны и шайка белогвардейцев из Хельсинки — это всё мелко и было уже не по одному разу. Конечно, кто-то в ужасе ссался на почве «утраченных возможностей», кому-то свежим ветром уносило напрочь и без того протекавшую крышу вместе с мансардой и шифером, но меня все эти глобальные телодвижения как-то особо не трогали, возможно оттого, что я, в самых общих чертах, знал, как и чем всё это закончится спустя длинную череду столетий, а значит, был морального готов и к худшему.

Другое дело, когда в январе с ёлки ночью сорвался и разбился с жалобным дребезгом старинный стеклянный шарик, из тех, что покупали ещё бабушка и дедушка, — тут да, стало жалко и в душе

чего-то ворохнулось. Ведь бабушки с дедушкой давно нет, а их «современники» в виде ёлочных игрушек остались, и очень грустно, когда они бьются. А ещё говорят, что вещи недолговечны...

В общем, понимаю, что с моей стороны это чистой воды подражание, в духе великого и незабвенного Михаила Афанасьевича, только в главном-то он по-любому прав: печка с изразцами да шкаф с «Капитанской дочкой» действительно важны. Поскольку осязаемы. А вот всё прочее — суета, поскольку оно проходящее. Сегодня есть, а завтра нет. И не такое переживали — переживём и это...

Вечерело, и белый пейзаж за окнами медленно синел. Я сидел и тщетно пытался привести в мало-мальски публикабельное состояние очередную порцию «криминальной хроники» для одного, как сейчас говорят, «регионального новостного ресурса». И спрашивается: ну вот как это вообще можно обработать так, чтобы хоть что-то из подобной информации можно было реально опубликовать? Похоже, их главный, Витася Неблюдов (которого некоторые недоброжелатели называют Неблюдов или Недоблюдов, за общую хитрожопость, — и не скажу, что незаслуженно), которого я, кстати, знаю не первый год (ещё с тех времён, когда он был студентом-старшекурсником и подрабатывал в институтской многотиражке), окончательно офигел — их же засудят на хрен, за «злостную клевету»!

Хотя сама история, материалы по которой я в данный момент перечитывал, была, в общем,

простая, проще уже некуда. Душнарёнковский район, дыра дырой, сотня километров от Краснобельска, считай — у чёрта на куличках. И кстати, место весьма «прикольное». Настолько, что в тамошнем РУВД позволяют себе проводить оперативки на татарском языке. Так что, если кому-то вдруг приспичит зачищать нашу округу от националистического бандподполья и лиц, сочувствующих ему, — можно начинать прямо оттуда, не ошибься.

В общем, село Нижнебурево, без малого два года назад. И пропала там девчонка неполных семнадцати лет. Не то чтобы сильно симпатичная, но и, в плане пресловутой социальной ответственности, далеко не пример для потомства. Абдулова Анжела, или, если величать полным именем, Анжелика (и угадайте с трёх раз, в честь кого). Кстати, вполне типичные для наших мест имя и фамилия, тут все давно перемешались настолько, что никого не удивляют сочетания типа Гульнара Машкина или Степан Фахрутдинов. В общем, опуская ряд интересных, но ненужных подробностей, Анжела была слабовата на передок. И в один не очень прекрасный день взяла да и ушла из дома, практически без вещей и фактически с концами. В целом семейка Абдуловых особо высокоморальной не считалась, так что хватились девочку не сразу.

Ну а потом что делать? Прошло две или три недели, и предки накатали заяву о её пропаже. Начальник Душнарёнковского РУВД полковник Хабургуев тут же велел подчинённым «возбуждаться» (в смысле — дело возбуждать), да не просто так,

а «распутать в кратчайшие сроки» и так, чтобы «висяков» не было. То есть сразу повелел считать Анжелку не пропавшей, а погибшей.

Ну а подчинённые душнарёнковского шерифа как-то очень кстати вспомнили, что у пропавшей девицы есть младший брат Ренат пятнадцати лет от роду. Юноша, знамо дело, мутный (ну а кто у нас сейчас не мутный; не исключено, что со стороны для кого-то я тоже могу выглядеть как потенциальный маньяк или растлитель всего, что шевелится?!), но, кроме того что пьёт самогон и нюхает всякую дрянь (а этим в деревне нынче балуется каждый второй, не считая каждого первого), предъявить ему вроде бы было и нечего. Но тем не менее взяли его местные орлы-опера и давай колоть на предмет патологических наклонностей. Уж не знаю, как именно они с ним разговаривали и что такого наобещали, только этот выюнош взял да и сознался, что типа да, сеструху он убил. Поссорились (а такое промеж них раньше действительно бывало неоднократно), слово за слово, хреном по столу, она ему когтями в рожу, он её со всей дури какой-то железкой по башке. Ну а потом типа отволол в некий заброшенный дом, расчленил и по частям сжёг в печке, а что осталось (а точнее — не догорело) потом разбросал где-то в окрестном лесу. Понятное дело, опера рады стараться (им надо раскрываемость повышать), доложили, всё честь по чести. Дальше суд, ну и приговор. А учитывая несовершеннолетие бедного Ренатки, раскаяние и явку с повинной — шесть лет строгача, получи и распишись. Правосудие торжествует.

Ну а далее начинается картина маслом (в смысле — трагикомедия): в конце нынешнего лета в это самое село Нижнебуреево вдруг приезжает та самая убиенная Анжелка, да не просто так, а с городским мужем и годовалым ребёнком. Это она тогда, оказывается, в город к хахалю подалась, а сообщать про это родичам (поскольку отношения у них были не шибко нежные, её за все эти хождения «по морозу босиком к милому» уже неоднократно обещали больно зашибить) не стала, а потом выскочила замуж, и из-за смены фамилии и паспорта её, похоже, никто не искал.

Спрашивается: и что теперь? Всё село, родители и родственники в ахере. Брат второй год сидит ни за что. Сама она числится не просто умершей, а ещё и злодейски разобранной на части. При этом проверка показывает (эксперты просто охренели), что в указанной осуждённым братом Ренатом печке никогда никаких тел не жгли, в заброшенном доме признаки того, что там кого-то расчленили, отсутствуют, а в указанном им месте в лесу нет ни малейших следов человеческих останков. А сам убивец не может внятно объяснить не только насчёт того, как именно и каким способом он жертву расчленил, но даже насчёт места, способа и орудия убийства откровенно путается.

Оказывается, шустрые опера про убийство, расчленёнку, кремацию и прочий трешачок тупо записали «со слов преступника», а скорее даже сами ему всё это надиктовали, что вернее. Ну и как они будут из всего этого выпутываться и кого теперь назначат виноватым или крайним? Хотя, учитывая,

какие сейчас на дворе времена, скорее всего, вообще ни хрена не будет...

Или другой случай, уже из прошлого сентября. Одна баба взяла да и сиганула с балкона двенадцатиэтажки (не особо старая, но, опять-таки, избытком благонравия не страдала, тупо залила шары, в голове сразу глупые мысли типа «все козлы» и «жизнь — дерьмо», ну и всё пошло к итогу — самоубилась), упала в кусты возле подъезда и лежит, остывает. А дело было рано утром, и рядом камера. Работающая (что редко бывает) и такая, про которую знают далеко не все.

И идёт мимо мужик. Казалось бы, должен увидеть и вызвать мусоров да «скорую», ан нет! Подходит мужик к телу и начинает это тело трахать (вот что он при этом думал, да и думал ли вообще?). А оттрахав, уходит. Надо полагать — удовлетворённый. Ладно. Только это ещё не всё. Поскольку чуть позже идут мимо тела два дворника в спецовках. Видят эту самую самоубийцу. Подходят. И снова происходит совсем не то, о чём вы подумали. Они шмонают труп, снимают с тела кроссовки и быстро линяют! В общем, не знаю, что будет за это дворникам, но похотливого мужика, благодаря всё той же камере, нашли и задержали. И теперь экспертам (которые не знают, плакать им или смеяться) предстоит ответить на главный вопрос: он убиенную трахал, когда она уже померла или всё-таки до того? Поскольку надругательство над трупом и над относительно живой бабой — это две совершенно разные статьи. Короче говоря, и смех и грех.

И, по-вашему, такое можно публиковать? Допустим, вторая история, если, конечно, без точного указания места действия и имён-фамилий, ещё сойдёт. Так сказать, смех сквозь слёзы. А вот насчёт первой как-то сомнительно. Даже если её предельно обезличить, всё равно сочтут за гнусный поклёп на родные органы внутренних дел. У нас же теперь вроде как не тот сплошной цирк с конями на паровой тяге, какой был в 1990-е...

В общем, решив, что утро вечера мудренее, я плюнул и выключил комп.

И в этот самый момент в левом углу комнаты деликатно кашлянули.

Я резко обернулся.

Ну вот вам здрасте...

На своём, уже обычном, месте сидела Блондинка в привычно-голографическом исполнении. Выглядела она не столь аппетитно-привлекательно, как в прошлый раз. Короткая стрижка, минимум макияжа, одета в стиле, который у нас нынче именуют офисным, — тёмно-серый брючный костюм в обlipку да чёрные модельные туфли. Сама скромность, короче говоря. А раз в свои обычные игры они сегодня не играют и возбуждать меня на наготу не пытаются, значит, настрой у гостьи сугубо деловой. И это сразу же рождало нехорошие догадки.

— Здравствуй! — сказала она, как мне вновь показалось, не открывая рта.

— Здорово, коли не шутите, — поприветствовал я гостью. — Давно не виделись, и не то чтобы я сильно рад встрече. И чем, собственно, могу?

— Маленькое, но серьёзное поручение. Или, если проще, — срочное задание.

— Ну это даже с трёх раз не надо было угадывать! Разумеется, задание, и разумеется, срочное! У вас же других не бывает! Что на этот раз от меня требуется?

— В некотором роде спасательная операция.

— Допустим. И где конкретно будем спасать будущее прогрессивного человечества?

— Место — Порт-Артур. Время — конец лета 1904 года...

— Чего-чего? «Спит гаолян, ветер туман унёс, на сопках маньчжурских воины спят и русских не слышат слёз»? Не, не пойду. Хоть режьте, хоть ешьте...

— Почему?

— Как говорят у нас сейчас — это вам, дамочка, надо на второй этаж «Детского мира», там не только покемоны, но, может, и запиздюнцы есть... А если в двух словах — я это время плохо знаю и, откровенно говоря, не люблю. Прадеды, непонятно зачем, создали на свою жопу весь этот геморрой и, проиграв всё, что могли, ушли в небытие, а вот деды потом, уже в 1945-м, этот гешталт благополучно закрыли. Правда, мои прадеды в Русско-японской не участвовали, а дед, хотя брал Берлин и обнимался на Эльбе с этими, ну, которые сейчас опять враги на всю катушку, на Дальний Восток потом не ездил. Так что лучше обращайтесь по этому поводу к Никите Сергеичу, не к тому, который Хрущёв, а к тому, что раньше был как все, двуличный и с дулей в кармане, а теперь с телеэкрана не слишком убедитель-

но бесов гоняет, — это такие, как он, от царизма люто тащатся. Или ещё вариант: есть у меня среди соцсетевых друзей пара конченных мудил, которые, исключительно по дурасти, записались прямиком в «златопогонные первопоходники», а у них заединщиков-косплееров столько, что на целый «ударный офицерский полк» наберётся...

Вот тут я нисколько не наврал. У псевдвоенных переодеванцев (они же «реконструкторы») нынче возникла некая новая тенденция. Поскольку за историю Великой Отечественной войны плотно взялось государство, у очень многих из этой публики откровенно заиграло очко. Они же в недавние времена просто обожали за немцев играть (причём, как правило, даже не просто за вермахт, а какую-нибудь битую тевтонскую элиту — горные егеря или там, ваффен-СС), а теперь-то никто точно не знает, как на все эти их шатания и игры в войнушку по кустам и паркам, во вражеских мундирах, могут отреагировать те, кому положено. А поскольку за осквернение памяти павших и пропаганду нацизма сейчас могут припаять вполне себе весомую статью с реальным сроком, им всем очень ссыкотно. Вот и подались эти шизики в другую палату для буйных, нашли себе новый вариант херни для страдания (или, если хотите, кормовой базы) — «отдушину» в виде Первой мировой и нашей Гражданки. Смотрю на их фотки в соцсетях и ржу как конь (бог ты мой — сколько тупых рож и тухлых глаз, и все сплошь в красно-чёрных, чёрно-белых или красно-белых погонах, столько в корниловском, марковском и дроздовском офи-

церских полках ВСЮР отродясь не набиралось за всю их недлинную историю!) — блин, все как один переобулись на лету из Гансов да Фрицев в «господ офицеров», и при этом в основном в их пустых бестолковках сквозят сплошные стереотипы и заблуждения — посмотрел такой самозванный «златопогонник» советскую «Белую гвардию» в постановке В. Басова и считает, что с него довольно и теперь он решительно всё про Гражданскую знает. Тьма невежества, короче говоря. И, главное, никому из них стыд глаза не ест, тем более что родители у этой публики были если не партийные, то уж как минимум вполне себе советские люди, а их прадеды и бабки с дедками в то самое интересное время, с 1917 по 1922 год, так или иначе были на стороне «проклятых большевиков». А иначе все эти «корнеты» да «поручики» тупо и не родились бы никогда. Но это для них и вовсе несущественно, раз уж в моде «слащаво-сентиментальная поражаевщина», которую один мой знакомый, на дух не переносящий разного рода «ряженных», метко называет «хохлизм», — вечная, необоримая тяга под знамёна тех, кто всегда проигрывает. Хотя вовсе не факт, что кто-то из них хотел бы лично побывать на реальной войне начала прошлого века, где можно запачкать опереточный мундирчик, — там же грязно, говно и палки (в смысле — вошки, тиф и прочее), а в дополнение к холерному поносу запросто можно ещё и иприту нюхнуть, любой каприз за ваши деньги. Но то прошлый век. Куда смешнее другое: кое-кого из тех, кто в начале 2000-х (ну то есть во времена, когда буквально

все вокруг были друг другу если не кореша в доску, то уж как минимум «партнёры», жрали вместе водку и думали, что впереди только хорошее) игрался в переодетых каппелевцев или условные «Мазурские болота», сейчас-таки занесло на вполне настоящую войну (какие у этого обстоятельства были причины и зачем они там вообще нужны — отдельный вопрос для психиатров), причём по разные стороны фронта. Вот и пишут теперь в «Телеге» что-нибудь типа: «Витася! Сука такая! К фашикам подался! Встречу — убью!» А означенный Витася тут же отвечает, что сам всех москалей первым поубивает и даже прежних друзей-собутельников не пожалеет, а автора предыдущего поста предварительно ещё и поимеет...

— Считаю, что я оценила твоё чувство юмора, — усмехнулась на эту мою реплику Блондинка. — Но нас не интересуют разные полоумные ничтожества. Увы, как обычно, нужен ты, и только ты...

— Неужто все спились и один я остался? Вы уж поясните, мадам, будьте ласковы.

— Если совсем коротко — вышел из-под контроля наш штатный сотрудник.

— Ни хрена себе... С чего это вдруг?

— Не вдруг. Просто во времена войны, которую у вас здесь называют Русско-японской, была отправлена исследовательская группа обычной численности. То есть из трёх человек. Двое мужчин и женщина.

— Зачем, интересно знать, отправлена? Что и кого исследовать? Или просто групповушка-тройничок? Нестандартное свадебное путешествие?

— А вот это не смешно. Нет. Это были наблюдатели, отправленные для сбора информации. В самом широком смысле этого слова. Ты же уже успел понять, что многое из того, что мы делаем, — это, по сути, импровизация. И соответственно, у нас огромная нехватка не только кадров, но и конкретных данных по отдельным историческим периодам и эпизодам...

— А какая вам вообще польза от японской войны, про которую даже специалисты и те, кто постарше, помнят разве что выражения типа «ховался в гаоляне, и по нему стреляли шимозами» из одной катаевской книжки в рамках советской школьной программы, вроде бы той, что про Петю и Гаврика? А простой пейзажник помоложе, если его за эту войну спросить, вообще не поймёт, о чём речь. У нас и про Афганто, который, кстати, был аж через семьдесят пять лет после Русско-японской, уже, считай, забыли. Какой вообще смысл отправлять туда наблюдателей?

— Чтобы засылать агентов в какой-то конкретный отрезок времени, — начала Блондинка голосом вредно-въедливой школьной училки, разговаривающей с особо тупым первоклассником. — Нужно как минимум знать, как там всё выглядело, как одевались, что ели, что говорили и прочее. По необходимости мы посылаем в прошлое подобные группы, которые в первую очередь снимают на соответствующем оборудовании то, что можно назвать, например, «учебно-ознакомительными видовыми материалами»...

— И на кой ляд вам сдалась именно Русско-японская война?

— А вот это закрытая информация. Не для твоего уровня допуска.

— Что, опять рылом не вышел? Снова что-то такое, нехорошее, с нашим прошлым мухлюете? Ну ладно, даст бог, я вам это припомню... Так, стоп, прозвучало, что была группа из трёх человек, а из-под контроля вышел только один «штатный сотрудник». Что случилось с двумя другими? Почему они просто не вырубили и не спаковали буйного коллегу? И как следует понимать формулировку «вышел из-под контроля»?

— Так и понимай. Один из двух наших парней просто взял да и слетел с катушек.

— То есть?

— Похоже, в какой-то момент тупо возомнил себя Богом, сволочь. И вместо сбора информации начал пытаться помогать одной из воюющих сторон. А конкретно — японцам.

— Зачем им помогать-то? — искренне удивился я. — Они же и так выиграли?!

— Нельзя исключать, что выиграли они не без его помощи. Поскольку теперь мы затрудняемся ответить на вопрос: а не является ли эта реальность, в которой все мы существуем, одной из тех самых пресловутых «альтернатив»?

— Эва как! И чем конкретно этот ваш дурашлёп помог желтопузым чертенятам и откуда вы вообще узнали, что он именно помогает?

— Его напарник совершенно случайно узнал, что роковой для русских морской бой 10 авгу-

ста (или, как у вас говорят, «по старому стилю», 28 июля) 1904 года в Жёлтом море, а точнее, фатальное попадание 305-миллиметрового японского снаряда в фок-мачту броненосца «Цесаревич» с последующей гибелью адмирала В. К. Витгефта и большинства его штабных офицеров, — его рук дело. А потом возникли подозрения, что и подрыв броненосца «Петропавловск» на японской мине 31 марта 1904 года с гибелью адмирала С. О. Макарова, возможно, без него не обошёлся...

— И как он всё это, мать его так, смог проделать? Неужели лично корректировал огонь японцев с берега по радио? Или подкинул им парочку каких-нибудь управляемых снарядов?

— Можно предположить, что смог элементарно. Скорее всего, он японцам ключевую информацию поставлял. Ведь через сотню лет все действия сторон в том морском бою известны заранее и расписаны чуть ли не по минутам, с прилагающимися схемами движения эскадр, причём всё это есть во вполне себе популярной литературе. Так что участвовать в чём-то подобном лично ему особо не требовалось, да и не было у него таких возможностей...

Я прикинул, ну, по идее, да, если знать по секундам, когда и какой именно корабль сделает некий манёвр, можно дать ценные указания, когда именно и в какой именно броненосец стрелять, даже с указанием конкретного места, куда целиться, а не сидеть как дурак с рацией и орать в микрофон «недолёт-перелёт!». Вот только тот снаряд в Жёлтом море, похоже, всё-таки был стопроцент-

но случайным. Так что не вяжется тут у них что-то. Честно говоря, писями виляны все их хитромудрые предположения. Ну да ладно, сейчас не о том речь...

— Ну, и дальше? — спросил я, промолчав о своих догадках.

— Когда напарник доложил нам о своих подозрениях, он его убил.

— Прямо убил?

— Скорее всего, да, потому что его жизненные показатели операторы в нашем Центре управления и слежения перестали фиксировать ещё до того, как с группой окончательно пропала связь.

— А с третьим членом группы что? То есть, если точнее, с третьей?

— А вот её он явно взял в заложники и, прежде чем отключить связь, потребовал для себя гарантий жизни и ещё кое-чего...

— «Кое-чего» — это в каком смысле?

— Как ты, наверное, успел понять, аппаратура для хроноперемищений особой компактностью не отличается. У этой группы, как и всех прочих подобных, развёрнута на месте временная установка с порталом для хронопереброски и автономным источником питания. Ресурс питания ограничен. Его хватит только на двенадцать циклов перемещения, три из которых ими уже использовано, итого осталось девять...

— И что ему это даёт?

— Поскольку ему за подобные художества однозначно грозит ликвидация, он требует, чтобы ему дали спокойно уйти. То есть он собирается

переместиться туда, куда захочет, и настаивает на том, чтобы мы затем не пытались его искать и преследовать. В обмен на это обещает оставить в живых напарницу и не портить оборудование...

— А он может?

— Что?

— Ну испортить оборудование.

— Разумеется, там же встроена функция самоликвидации.

— Погодите, так это же для него тупо билет в один конец!

— Да, но зато всё-таки это шанс остаться в живых...

— Так какие тогда проблемы? Пошлите какой-нибудь спецназ — в вашем арсенале, как я понял, хватает всяких человекоподобных убивалок. Я-то, грешный, тут при чём?

— Обычную группу захвата послать не получится. Дело в том, что вся наша темпоральная аппаратура увязана, если можно так выразиться, в единую систему. Это многое упрощает, но одновременно иногда является и серьёзным недостатком. То есть включение любого из наших порталов, как постоянных, так и временных, он немедленно засечёт. А дальнейшие его действия просчитать не трудно. Он убьёт оставшегося члена группы, включит аппаратуру и уйдёт туда, куда захочет. И ему на это потребуются считанные минуты...

— А хроноустановка?

— Перед тем как уйти, он просто включит режим самоликвидации. Поскольку она не мобильна и забрать её с собой он в одиночку не сможет...

— То есть, в какое бы время этот ваш злыдень ни смылся, смоемся он всё равно в точку с географическими координатами нынешнего Порт-Артура? Так чего же вы так кипишуете?

— Во-первых, по закону он преступник и его надо судить. Надо же ещё, как минимум, узнать всю подноготную — кто его надоумил на подобное и прочее? Во-вторых, сама хроноустановка — оборудование чертовски сложное и дорогое, что называется, штучное. Потерять её — отдельное преступление. К тому же самоликвидация оборудования может вызвать взрыв мощностью в пять-семь килотонн. Представил, что будет с Порт-Артуром в этом случае?

Я попытался представить, но, честно говоря, затруднился. Самое главное — а как это потом будут объяснять в учебниках истории? Арсенал какой-нибудь взорвался? Н-да, при таком раскладе осада Порт-Артура и вся Русско-японская война могут закончиться значительно раньше...

— Представил, — сказал я вслух. — Что сказать — масштабно мыслит этот ваш товарищ, который уже не товарищ...

— Так о чём и разговор. А кроме того, даже если это для него путь в один конец, неизвестно, куда он отправится и что намерен делать дальше. Тем более что чем глубже в прошлое он сбежит, тем сложнее будет его найти. То есть, в принципе, парнишечка, конечно, считается специалистом по двадцатому столетию и особенно его первой половине. А значит, можно предположить, что уйдёт он, скорее всего, куда-то туда, а отнюдь

не в Средние века. Но это знание для нас ничего не облегчает, поскольку, если при уходе он взорвёт оборудование, на определение его «точки выхода» уйдёт очень много времени и сил. Нет, то есть точку-то мы найдём, но перед уходом он наверняка избавится от всех возможных средств слежения. И ищи его тогда потом по всей планете, даже при условии, что мы будем знать конкретный год. Тем более что он хорошо знает расположение всех стационарных порталов и, прежде чем наши спецы сядут ему на хвост, вполне сможет испортить какой-нибудь из них, предварительно воспользовавшись им для дальнейшего запутывания следов. А восстановление стационарного портала — это вообще немыслимый по нашим понятиям ущерб, из категории невозможных. Но самое главное — неизвестно, что он, со всеми его познаниями о прошлом, начнёт предпринимать, с его-то энергией, помноженной на надломленную психику. Собственно, тебе уже не раз и не два объясняли, что образование новых, альтернативных реальностей допустимо только в критических случаях, а в целом оно всё-таки нежелательно...

— То есть меня, если я перемещусь туда, его аппаратура не засечёт? — уточнил я, уже вполне понимая, что оказываюсь в ситуации тех космических морпехов из «Чужих». Типа ксеноморфов-то, будь добр, перебеж на фиг, а вот атмосферные процессоры и прочие железки, «обеспечивающие процесс терраформирования», трогать не смей. Это же классика, мля...

— Ты абсолютно прав. И, как ты уже, наверное, понял, это самое ценное твоё качество.

— Ну да, осознал, не дурак. И что я конкретно должен делать?

— Конкретно — не дать ему убить напарницу и уничтожить хроноустановку.

— А с ним самим что делать? Поймать-арестовать?

— А вот это уже по обстановке. Сохранность оборудования в данном случае важнее. В идеале — обездвижить его до прибытия нашей группы захвата, которая отследит твой персональный сигнал. Помни, что мы за тобой наблюдаем, хотя при этом никакой связи с нами у тебя не будет. Исключительно из соображений безопасности, чтобы невозвращенец не засёк тебя раньше времени. Ну а если возможности дождаться спецов не будет или он попытается сбежать — ликвидировать объект на месте. То есть, проще говоря, убить.

— Ну да, мне же не привыкать... А что он может мне противопоставить? В смысле — чем он конкретно вооружён?

— В первую очередь в его арсенале может быть что угодно из того, что он смог найти на месте. То есть любое доступное оружие начала XX века. Поскольку их группа исследовательская, серьёзного оружия им по существующим правилам не полагалось. Максимум, что у них было, — парализаторы и средства индивидуальной защиты и маскировки, позволяющие на короткое время становиться практически невидимыми или менять внешность с помощью голограмм. В плане оборо-

ны то, что у группы было (прежде всего я имею в виду их штатные спецкостюмы), гарантированно защищает от пуль, осколков, электромагнитного импульса и радиации. Действие холодного оружия, крупнокалиберных огневых средств типа артиллерийских снарядов, химии и ядов они сильно смягчают. То есть по меркам времени, где группа находится, её члены практически неуязвимы. Но ты будешь снабжён спецсредствами из арсенала военных, которые все эти свойства их защиты нивелируют...

— Да, кстати, а как быть с экипировкой?

— Придётся перебросить её тебе прямо сюда. Экипируешься здесь и отправишься на место уже полностью оснащённым...

— Н-да, ну, что отказы не принимаются, я уже понял. Опять поймали меня на чистый интерес — сходить туда, где я ещё не был. И сколько у меня времени?

— Чем скорее, тем лучше...

— Тогда три-четыре дня на подготовку, обдумывание легенды и прочее. То есть свяжитесь со мной через трое суток, и я смогу дать вам список необходимого. Да, и точку «входа-выхода» я выбираю сам!

— Договорились...

Глава 1

В ОСНОВНОМ

ОЗНАКОМИТЕЛЬНО-ЛИРИЧЕСКАЯ.

ИМПОРТНЫЙ ГОСТЬ С БУТРА

И РАЗНООБРАЗНЫЕ СТАРОРЕЖИМНЫЕ ОБОРОНЦЫ

*Квантунский полуостров. Военно-морская
база Порт-Артур.*

*Берег какой-то из бухт. Раннее утро
21 августа 1904 г.*

«Мы продолжаем то, что мы уже
много наделали».

Виктор Черномырдин

Холодной и выюжной февральской ночью, в тот самый момент, когда я уходил на очередное «дело» (в который уже раз спасти то, до чего мне лично не было никакого дела), полоумный случайный водитель или прохожий (вот какой нормальный человек будет ездить, а тем более гулять по улицам, когда на градуснике минус двадцать, да ещё и с ветром?) мог запросто принять мою тёмную фигуру в нелепой обуви не по сезону и старом мешковатом пуховике с нарочно надвинутым пониже на глаза капюшоном за какого-нибудь особо морозоустойчивого маньяка, вышедшего на тропу безнадёжной и бессмысленной войны с тараканами в собственной голове.

Но, кажется, я всё рассчитал верно, и не было в этот не слишком располагающий к оздоровительным моционам час на окрестных улицах никаких людей, а машин за всё время проехала всего пара, да и то где-то в отдалении, там, где дороги шире и снегу поменьше. Камер «большого брата» и прочих рудиментов высокотехнологической цивилизации поблизости тоже не было — этот момент был проверен уже неоднократно. У нас вообще народ простой, и видеонаблюдение включается либо по большим праздникам, либо во время инспекций городского начальства.

И только в сторожке с давно погасшими окнами, неподалёку от железнодорожного полотна, побрехивал в своей конуре большой, но глупый цепной двортерьер. Да и то делал он это явно не потому, что учуял меня, а просто дежурно отрабатывая хозяйский харч.

Свою «точку входа-выхода» я на сей раз наметил у перехода через железную дорогу, там, где улица давным-давно погибшего не самой хорошей смертью космонавта Комарова заканчивалась, упираясь в нашу невнятную промзону. Тёмные, плохо различимые за метелью многоэтажные жилые коробки спящих городских кварталов остались позади, слева были последние (принадлежавшие сейчас вообще непонятно кому) уцелевшие домишки частного сектора и закрытый (теперь, скорее всего, уже без каких-либо внятных надежд на возобновление продаж) автосалон с логотипом Regiot на фасаде. Слева тянулись не слишком капитальные постройки шиномонтажки.

Ну а если пересечь железную дорогу по недавно снабжённому новомодными барьерами с предупредительными надписями и табло (раньше здесь была просто тропа между заборов) переходу и немного пройти прямо — упрёшься в «весёлую» улицу Цветочную, знаменитую в основном тем, что здесь располагается городской морг и бюро судебно-медицинской экспертизы вкупе с конторой ритуальных услуг с милым и романтическим названием «Тихая обитель». Ну а за двухэтажным зданием морга — опять частный сектор, заброшенный парк (сейчас — практически лес), носивший когда-то имя «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина, и ТЭЦ. Но так далеко я заходить и не собирался. Тем более что необходимые для моего «точного наведения» при перемещении массы металла присутствовали вокруг в умеренном количестве — столбы, рельсы, гаражи, трубы и прочее.

Под подслеповатым, желтоватым светом редких придорожных фонарей я миновал торчащую на развилке улиц бетонную стелу с буквами «Орджоникидзевский район» (никто уже не помнит, кто такой вообще был товарищ Серго, а район назван всё так же в его честь — этакий рудимент не очень давнего прошлого), перешёл дорогу, а затем и железку. Огляделся — никого. Потом свернул с протоптанной дорожки влево и, проваливаясь в глубоком снегу, залез в заброшенные, недостроенные ещё с позднесоветских времён кирпичные гаражи. В этих лишённых окон и дверей, но тем не менее имеющих крышу стенах я стянул с себя

пуховик, который свернул и, убрав в прихваченный с собой шестидесятилитровый мусорный мешок, спрятал одежку в сугроб. Лежать ему здесь всё равно не долго. Всяко я вернусь сюда же практически через считанные минуты, так что никто ничего и не заметит.

Без пуховика я сразу же замёрз. Натянув поглубже на голову нелепую для уральской зимы широкополую шляпу, я выбрался из сугроба на протопанную через рельсы тропку.

— Готов? — спросил безразличный и какой-то нечеловеческий голос в моей голове.

— Да.

Никаких предупреждений или дальнейших реплик не последовало, и сам момент перехода я опять толком не уловил. Уже давно очень хочу понять, что со мной происходит в этот момент, но — увы — каждый раз всё происходит слишком быстро.

Когда мгла перед глазами рассеялась, оказалось, что вокруг тепло, светло и пахнет морем, солью и водорослями. Всё-таки здорово иногда вот так, ненадолго, попасть из февраля в конец лета, такие моменты стоит ценить...

Солнце вставало из-за далёкого горизонта, с трудом пробивая висящую над водой туманную дымку. Орали чайки и где-то, довольно далеко, глуховато грохотало и бабахало. Довольно невнятно и с большими паузами. Похоже, местная канонада. Хотя для меня, неоднократно слышавшего орудийные «разговоры» Второй мировой (с их рёвом «Катюш» и долбёжкой сотен «сталинских кувалд»)

и воочию видевшего, как в пределах видимости рвутся водородные бомбы, этот звук показался каким-то откровенно несерьёзным.

Ленивый прибой баламутил водоросли, шлёпая в сваи под тёмными досками причала, на котором я стоял. Кажется, навели меня удачно: поблизости не обнаруживалось ни одной живой души (рыбы, медузы и чайки не в счёт). Справа и слева от меня тянулись какие-то деревянные сараи с белёными стенками. Я посмотрел по сторонам. Да, впереди открывались обширные бухты, где в жидком тумане маячили тёмные угловатые силуэты кораблей. За ними на заднем плане тянулись вверх подсвеченные восходящим солнцем высокие сопки, часть которых в описаниях здешней обороны именуются горами, с голыми буро-желтоватыми склонами и зеленью на вершинах, на фоне которых терялись здешние строения.

Это в следующем веке бывшая наша военноморская база фактически пропадёт среди обширной застройки района Люйшуньюкоу разросшегося вдоль всего побережья Квантунского полуострова города Дальянь со всеми его доками и закрывающими горизонт небоскрёбами. Но пока никакой КНР и не пахнет и здесь всё ещё Порт-Артур, который начали строить в 1898 году (когда здешнюю землю взяли в аренду на 25 лет, причём после дачи тогдашним китайским сановникам взятки на откровенно невольную по тем временам сумму в 750 тысяч рублей) и за шесть лет успели отстроить не более чем на 20 процентов — 3263 жилых дома, более 42 000 жителей, русских под-

данных — 17709, включая 4297 женщин и 3455 детей, военных — 13585, все прочие — китайцы и иже с ними. Короче говоря, даже по тогдашним расейским меркам это был, мягко говоря, заштатный Мудогубернск — райцентр, где и двухэтажное здание считалось вполне себе за высотное.

Осмотрев себя, я нашёл, что всё в порядке. Стоит сказать, что возможность появления здесь в офицерском мундире Российской императорской армии или флота я отмёл сразу же. Во-первых, возникновение непонятно откуда неизвестно-незнакомое военного сразу же вызовет нешуточные подозрения. Так оно и понятно: как это тебя, такого красивого, японцы через свою блокаду в форме-то пропустили? Ну явно же шпион! Тем более что здесь не очередной провинциальный косплей на тему «Россия, которую мы потеряли» и одним переодеванием в не слишком аутентичные тряпки, увы, не обойтись. А изобразить «их благородие» я, при всём желании, навряд ли смогу, поскольку актёр из меня так себе, а художественная литература или кино этот вопрос проясняют слабо.

Тем более что книг по этой войне не так чтобы офигенно много. Обычно применительно к Русско-японской войне почему-то вспоминают Валентина Пикуля, только вот как раз конкретно про Порт-Артур он ничего не написал. Ну то есть была у него трилогия по Русско-японской войне (если я всё верно помню — «Богатство», «Крейсера» и «Три возраста Окини-Сан»), которой, было дело, вполне себе зачитывались (ведь в библиотеках, в журнальном варианте, в порядке живой очереди брали, вот

до чего доходило!), только у меня с тех давних пор отношение к творчеству этого романистического мариниста довольно сложное. Поскольку я-то после школы попал на истфак, где умные и в меру желчные скептики с учёными степенями сразу же объяснили мне, чем разная там романная белиберда отличается от реальной истории (на заборе тоже много чего написано, но ведь за забором никогда ничего нет, да и в щёлочке между досками может быть гвоздик или заноза!), а вот один мой хороший друг детства (настолько хороший, что с ним мы тогда могли разговаривать о чём угодно, от баб до книжных и кулинарных предпочтений включительно), неосторожно начитавшись Пикуля, взял да и подался за этой самой долбаной, будь она неладна, романтикой служить на флот. А было это в начале 1990-х, когда, как легко догадаться, подобного рода занятия приятно пахнуть уже окончательно перестали. И, угодив на какое-то ремонтное корыто Тихоокеанского флота, он с избытком хватил шилом самой разнообразной патоки с хреном. Вернулся он, разумеется, совсем другим, но самое страшное не это, а то, что на том ломаемом об колено флоте, где всё трещало и сыпалось, он совсем разучился соображать, и ряд последующих сделанных им фатально неверных шагов завёл его жизнь куда-то ну явно не туда. Впрочем, сам-то он как раз так не считает. И хотя чужая душа всегда потёмки и я тут вроде бы совсем ни при чём, особенно при чётком понимании того факта, что фарш назад, увы, не провернёшь, мне до сих пор где-то стыдно и неловко. Этакая

остаточная ответственность в стиле известной цитаты из Экзюпери...

Или, для примера, могу ещё назвать другой, тоже неоднократно читанный роман А. Степанова «Порт-Артур». Когда-то, в далёком детстве, вроде вполне ничего себе казалось. А сейчас откроешь, пролистаешь несколько страниц — господи, да у него же там всё настолько безлико, что вместо героев представляешь себе просто скопище манекенов нейтрально-белого цвета, на которых маркером написаны фамилии — «Стессель», там, «Братовский» или какой-нибудь «Пахомов»!

А уж если брать за некую «точку отсчёта» заведомую кинолабуду вроде «Серебряных коньков» (где всё, кроме красивой картинки, глубоко анти-исторично), выйдет и вовсе полнейшая чушь. Тем более что большинство известных в нашем времени фильмов о Русско-японской войне снято всё-таки японцами, поскольку им это, во всех смыслах, важно, а нам нет. Как-никак, это мы тогда продули, а они, вовсе даже наоборот, выиграли...

Ну да, допустим, я знаю, как выглядят и ведут себя командиры Красной, Советской и современной Российской армий (лично видел), а вот по части старорежимных манер у меня явный пробел в образовании. К примеру, у нас на реплику «Пошёл на хер, мудака» даже не отреагируют (ну в лучшем случае лениво ответно пошлют в том же направлении), а здесь-то, если кого-то из этих «нежных натур в золотых погонах» привычно пустить по матери, они же могут запросто на дуэль вызвать. А оно мне надо?

Опять-таки, представишься офицером, и, даже если у тебя документы в порядке, начнётся бесконечное, занудное нервомотание — так сказать, неявная проверка, на чисто бытовом уровне. И сразу пойдут разговоры (пусть даже ненавязчиво так, за обедом или ужином, под рюмку анисовой — или что они тут пьют?) о всяких там паскудных мелочах и деталях, и во время этих разговоров могут неожиданно обнаружиться какие-то общие знакомые — люди, которые вместе с тобой учились (а военно-учебных заведений тогда было не так чтобы сильно много) или «в одном полку служили». Кстати, на флоте тогда было ещё хуже: кораблей не так уж много, офицеры, от безусого мичмана включительно, все переписаны и напечёт, так что кто-то неизвестный в эту «тёплую компанию» затесаться вряд ли мог. И вот тут начнётся самое интересное: не сможешь ты вспомнить, усы или бороду носил какой-нибудь условный «генерал от гидрографии» (ну или адмирал от инфантерии) Бздоимский, которого по здешним понятиям просто стыдно не знать, и сгоришь на ерунде, похлеще какого-нибудь педрильного полковника Редля с его перочинным ножиком. Тем более что неизвестно, сколько мне придётся тут торчать...

Ну а поскольку появление иностранца европейской наружности в штатском сразу же вызовет не меньшие подозрения, я выбрал некий компромиссный вариант. И в соответствии с текущей легендой, был экипирован в стиле этакого «мужественного путешественника» из здешних дешёвых

романов — «охотника на львов в восточных колониях».

Только не подумайте, что я припёрся в осаждённую врагом крепость под видом рассеянного кабинетного учёного-аутиста вроде жюль-верновского очкарика Паганеля, — костюмчик у меня был вполне себе военно-полевой, разных оттенков новомодного хаки.

Одет я был в добротный однобортный китель британского образца с характерным воротником-стойкой, медными пуговицами и четырьмя прорезными карманами, бриджи и высокие кожаные коричневые ботинки со шнуровкой чуть ли не до колен.

Широкополая шляпа с причудливо загнутым вертикально вверх правым бортом однозначно намекала (собственно, так и было задумано) на моё не особо давнее пребывание в Африке, а если точнее — на Англо-бурской войне. Для совсем уж тупых и непонятливых на вертикальном борту шляпы имелась ещё и маленькая латунно-эмалевая эмблемка — сине-бело-красный щиток с золотистым орлом, розеткой из зелёно-сине-бело-красного флага и красно-сине-зелёного герба. Вроде бы похожие эмблемы (а её для меня воспроизвели по картинкам из справочников по обмундированию соответствующего периода) были у буров, сражавшихся конкретно за ту самую, воспетую в те годы в популярных на Руси романтично-безграмотных песнях, Республику Трансвааль. Конечно, буры здесь своё уже отвоевали и вряд ли разгуливали так, как я, светя своими былыми рега-

лиями направо и налево, но сама принадлежность к ним должна была работать в мою пользу, на что я очень рассчитывал.

За спиной у меня был обширный дорожный брезентово-кожаный ранец, содержащий ряд «ништяков», способных облегчить мне «процесс проникновения и вrastания» (включая несколько бутылок разнообразного алкоголя) и придававший мне некоторое сходство с придурочным, контуженным на всю голову Пантелеймоном Суматохиным из фильма «Китайский сервизъ». А поскольку этого персонажа по ходу пьесы всё время спускали с лестницы или били по мордам (почему-то решительно никаких иных желаний он у любого встречного категорически не вызывал), оставалась одна радость — осознание того факта, что здесь этой комедии (вполне достойной, кстати говоря) никто отродясь не смотрел. Собственно, здесь вообще никаких фильмов пока что не видели, разумеется, кроме чёрно-белых и немых под дребезжащий фортепьянный аккомпанемент — разные там «Женщина-вампир», «Сказки любви роковой», «Приезд Пуанкаре в Алжирию» или «Коронация короля Георга».

Моё правое плечо оттягивал ремень упакованной в кожаный чехол (с кармашками для чистящих принадлежностей и прочей приبلуды — не хухры-мухры) деревянно-дорогой (как бы не из красного дерева или натурального баобаба) кобуры со здоровенным «Маузером» модели К-96 калибра 7,63 мм с массивным магазином на 20 патронов (к этому пистолету у меня была запасная снаряжённая обой-

ма и ещё сотня патронов в красивеньких картонных коробочках с фирменными клеймами, в ранце). В принципе, как я уже неоднократно убеждался, эти никогда и нигде официально не состоявшие на вооружении длинноствольные пистолеты были тогда в основном уделом пижонов вроде молодого сэра Уинстона Черчилля.

Но по представлениям тех давних лет (при том что с «Пятым элементом», где некий нервный юноша пытался палить из очень похожей дуры по пришельцам из космоса, здесь тоже не ознакомились), любой уважающий себя солидный «путешественник по дикими местам» начала 1900-х годов был просто обязан иметь при себе какую-нибудь весомую и дороговую вольну. В представлении американцев это скорее какой-нибудь револьвер системы Кольта, а вот для европейцев — безусловно, «Маузер», ну или, чуть позднее, «Люгер». Правда, удалось ли хоть кому-то реально отбиться в одиночку с помощью такого «Маузера» от банды диких разбойников, история умалчивает.

Для меня же подобный пистолет был, по крайней мере, чем-то родным и знакомым в довольно дурацком мире, где автоматическое оружие пребывает в архизачаточном состоянии, — пулемёты, которые здесь пока считают «негуманным оружием массового уничтожения», здоровы и тяжелы настолько, что их с трудом таскает расчёт из нескольких человек, а в ходу не только магазинные, но и однозарядные винтовки вроде пресловутой «берданки». Расстреляешь в белый свет, как в копейку, барабан револьвера — и ку-ку. А тут хоть

два десятка раз можно выстрелить, не отвлекаясь на перезарядку, — просто праздник какой-то...

С левой стороны у меня на боку висела пижонского вида кожаная сумка вроде полевой, набитая карандашами, блокнотами и прочими разного рода письменными принадлежностями, совершенно необходимыми писаке или натуралисту начала прошлого века.

А ещё, кроме всего прочего, в этой самой сумке были мои документы. Если кто не помнит, тогдашние паспорта представляли собой вовсе не «книжечку с обложкой», к которой мы все привыкли, а просто свёрнутый вчетверо лист бумаги.

В моём случае это был заграничный паспорт подданного Французской Республики — казённый бланк, отпечатанный хоть и на гербовой, но не слишком-то качественной (зато, видимо, натуральной) бумаге с минимальной защитой от подделки. Сверху бумаженции, как и положено, наличествовала шапка с разными там положенными по законам международного права республиканскими атрибутами вроде девиза «Liberte Egalite Fraternite», ну а дальше, слева, шли в столбик сделанные от руки чернилами отметки о пересечении паспортноносителем границ.

Записей здесь наличествовало по минимуму, поскольку официально без малого полтора месяца тому назад я якобы отплыл из Марсея, а две недели назад, не пересекая по пути ничьих границ, прибыл (судя по всему, на французском же судне) во Французский Индокитай, о чём свидетельствовала крайняя отметка, сделанная в консульстве

Сайгона. Справа шёл основной текст документа, то есть все эти Le Present Passport — моё имя, род занятий и прочее. Кстати, там указывалось, что я а le droit de porter les armes, то есть «имею право на ношение оружия».

Ну и в самом низу — моё желтоватое фото (да уж постарались, блин, запечатлев меня там в каком-то особенно нелепом сюртуке и галстуке, отчего я выглядел не больно-то и похожим на себя), увенчанное двумя красными печатями с гербами и надписью по кругу: Consual General de Franc. Вроде всё солидно, но, как говорили в одном популярно-детективном сериале конца 1990-х, — близко лучше никому не показывай, липа страшная...

Хотя, если честно, здесь, в осаждённом Порт-Артуре, могла проканать на фу-фу вообще любая бумага. О сколько-нибудь активной работе в крепости российской контрразведки внятных сведений нет, зато полно упоминаний о том, что здесь на каждом шагу резвились активно косившие под китайских торгашей японские шпионы, которым если не «сочувствовал», то уж как минимум «симпатизировал» очень любивший наличные высший командный состав.

Даже что-либо толком проверить здесь было нереально, ведь никакой регулярной связи с Большой землёй у крепости не имелось. Ведущий в Маньчжурю к наместнику Алексею и генералу Куропаткину телеграфный провод к этому времени уже был перерезан японцами, а о том, как использовались уже стоявшие на некоторых кораблях Первой Ти-

хоокеанской эскадры радиостанции, информации вообще нет, словно этих раций и вообще не было. Ну да, на фига попу гармонь...

В данный момент вся связь с внешним миром здесь вполне себе доисторическая — путём передачи через «делегатов связи» «запечатанных пакетов» во время редких прорывов некоторых особенно удачливых миноносцев. Ну и ещё как вариант — джонки китайских контрабандистов. Через неполных три месяца, в ноябре 1904 года, японцы легко прихлопнут и эту последнюю «ниточку».

То есть, в принципе, ответ на вопрос, как я попал сюда, был прост и продуман заранее: привезён контрабандистами за соответствующее вознаграждение. Поверят мне или нет — уже другой вопрос. Хотя почему бы и не поверить? С чего это столь редкого здесь гостя извне будут сразу хватать и тащить в зиндан, как японского шпиона? Хотя как знать, поживём — увидим...

Да, чуть не забыл, прибыл я сюда под именем Андрэ Рейфорта, французского гражданина. Род занятий — *le gazetier*, то есть, выражаясь современным языком, журналист, причём с военным уклоном. Для окончательного подтверждения этого у меня с собой были прихвачены «рекомендательные письма» от редакций французской газеты *Le Figaro* (честно сказать, так себе газетка, хоть и выходявшая минимум с 1854 года и специализирующаяся в основном на разного рода светских скандалах и сенсациях, но тем не менее могущая в те времена печатать и какую-то условную корреспонденцию с театра военных действий)

и российских «Петербургской газеты» (письмо подписано якобы её редактором Н. Худековым), «Финляндской газеты» (подпись редактора И. Баженова) и «Русского инвалида» (письмо подписано её редактором Ф. Макшеевым, аж генерал-майором, профессором Николаевской военной академии Генерального штаба и по совместительству ещё и военным писателем).

По здравому размышлению всё это, конечно, были филькины грамотки, рассчитанные не столько на местных «коллег по цеху» (то есть в Порт-Артуре была газета «Новый край», но при поспешной подготовке к этой заброске я так и не сумел понять, выходила ли она во время осады крепости), сколько на военных в больших чинах. Тем более что французы тогда в числе прочих постоянно рисовали мерзенькие карикатуры на русских (от царя Николая II до среднестатистического казака включительно) по поводу наших неудач на полях и морях Русско-японской войны, и как к ним в эту пору относились в Российской империи — отдельный вопрос.

Но тем не менее бумажка из «Русского инвалида» выглядела солидно и могла вполне себе сыграть какую-то роль (всё-таки издание это уважали в военных кругах того времени), особенно в условиях невозможности какой-либо проверки. А в остальном от Порт-Артура до Санкт-Петербурга тогда было почти как от Земли до Марса. Далеко и глухо, как в трюме эскадренного броненосца.

При этом на самый крайний случай у меня было с собой и ещё кое-что весомо-интересное,

например второй комплект документов, на имя гражданина Португальской Западной Африки (сейчас это, как легко догадаться, Ангола) дона Эндрю Рабано. Но особо светить этот вариант легенды до поры до времени не следовало.

И кстати, поскольку припёрся я сюда ни с того ни с сего, как тот, известный всем острый овощ с бугра, обе мои фамилии — и французская, и португальская — были производными от слова «хрен», правда, в кулинарно-ботаническом, а не ругательно-мочеполовом смысле этого слова. В принципе, с моей стороны это был и хохмический момент, и лишний шанс проверить, действительно ли в царской России тогда столь хорошо знали иностранные языки.

Разумеется, «Маузер» в деревянной кобуре не являлся моим основным оружием. «Дорогие работодатели» из далёкого будущего снабдили меня куда более убойной и серьёзной вещью, внешне выглядевшей вполне безобидно, как обычный бельгийский «Браунинг» модели 1903 года, калибра 9 мм с магазином на семь патронов. Не самый солидный пистолет тех времён, слегка похожий на наш ТТ (хотя, если точнее, это «Тульский Токарев» похож на него, поскольку появился значительно позднее).

Оружие это звалось коротко «Гипф» (то есть, надо полагать, происходило от немецкого Gipfel, в переводе на язык родных осин — «пика») и было, как мне кратенько объяснили, энергетическим. То есть, считай, практически — пресловутый, затаканный по страницам научной фантастики бластер.

Пукалка была импульсная: одно нажатие — один бесшумный выстрел. Мощности заключённого в «Гипфе» заряда хватало на пятьдесят часов непрерывного огня, то есть можно было давить на спуск более двух суток: стреляй — не хочу!

Принципа действия убийственной фиговины мне не объяснили, да я особо и не спрашивал. Зато было чётко разъяснено: дальность эффективной стрельбы у неё аж два километра и пробивает она до 15 мм листовой брони, а также стену толщиной в два кирпича, толстые брёвна и прочие препятствия сопоставимой защищённости. Прямо-таки мечта любого киллера — бесшумный пистолет, который стреляет на дистанцию тяжёлой снайперской винтовки, да вдобавок ещё и способен пробить борт бронетранспортёра! Только вот незадача — здесь пока ещё не только бронетранспортёров, но и самых примитивных бронемобилей и в помине нет. Не пришло ещё их время...

Но это ещё не всё: при попадании выстрел из «Гипфа» даёт внешнюю картину именно как при попадании браунинговской девятимиллиметровой пули — входное отверстие будет аутентично-соответствующим. Н-да, я бы точно офигел, если бы мне показали бронелист в 15 мм, пробитый насквозь пистолетной пулькой!

А вот «внутренне» всё куда серьёзнее: в частности, при попадании в тело человека «Гипф» убивает с одного импульса, поскольку его попадание сравнимо с ударом током вольт на 500, но дырочка всё равно образуется как от пули «Браунинга»! При этом «защитные исследовательские костюмы»

вроде того, что должен быть у нашего «плохиша», это оружие гарантированно выводит из строя и пробивает, причём с выводом противника из строя, даже если встроенные в костюм энергощиты будут включены на полную мощность. Единственная явная разница — обладателя такого вот «спецкостюма» оно не убьёт с одного импульса, но нанесёт ему тяжёлые травмы, сопряжённые с болевым шоком. Смерть в этом случае гарантирует выстрел из «Гипфа», к примеру, в лишённую защиты голову. И самое интересное, о чем меня проинструктировали: поскольку «Гипф» настроен на мои биометрические параметры, стрелять из него могу только я. Для любого другого это будет просто не стреляющий по неизвестной причине «Браунинг», причём чужого, который попробует завладеть этим оружием, встроенный искусственный интеллект просто убьёт. Как именно — мне толком не объяснили, сказав только, что это будет «тихо и незаметно», а не со взрывом, отрывом руки по локоть и красивыми брызгами кровищи, как это было наглядно показано в «Судье Дредде».

Кроме бронебойного квазипистолета, я имел и собственный «энергобронежилет», совмещённый с поисковой аппаратурой, выполненный в виде нижней шёлковой рубашки, поддетой под китель. Эта полезная самоподзаряжающаяся приבלуда с практически неограниченным сроком действия являлась каким-то военным, улучшенным вариантом уже знакомого мне ИКНС, выдавая данные прямиком мне в башку и не требуя каких-то внешних элементов вроде фальшивых

пластырей на лбу или виске с моих прошлых заданий. Положительным моментом было наличие в составе её «стандартной комплектации» некоего «адаптера», позволяющего носителю (то есть мне) не только понимать восточные языки, но и говорить на них по нехитрой системе «вопрос-ответ». Меня заверили, что этот «комплект для допроса военнопленных» работоспособен и многократно проверен в деле. Ну а я получил его постольку, поскольку я при своей весьма краткой подготовке ни за что не выучил бы китайский или японский даже на минимальном уровне армейского «разговорника».

Кроме того, фальшивое исподнее не пробивалось практически ничем и в теории могло сохранить мне жизнь даже невдалеке от эпицентра ядерного взрыва.

Разумеется, оно же позволяло мне и постоянно наблюдать за местностью. Поэтому, когда я упоминал об отсутствии поблизости чего-то живого и двуногого, это чистая правда. Я видел на десятков километров вокруг, и до ближайшего человека от меня было с полкилометра, в какую сторону ни смотри.

При этом метки от аппаратуры искомого гада я должен был видеть в радиусе полусотни километров. Тут была только одна проблема: объект поиска должен был находиться на открытом воздухе, поскольку любые стены, крыши и укрытия глушили сигнал при работе этой аппаратуры на максимальный радиус, да и его «условно-переносная» хроноустановка имела ещё и функцию «маски-

ровки и подавления». Именно поэтому для обнаружения аппаратуры мне сначала следовало обнаружить самого негодяя или, скажем, двух других наблюдателей из странным образом сгнувшейся здесь группы. И раз я ничего такого в данный момент не видел, «клиент» явно где-то прятался. Хотя об этом меня как раз предупреждали — уж чего-чего, а маскироваться их научили.

При всём при этом на мой вопрос, почему эти «умники» из будущего не догадались сразу же локализовать местонахождение объекта поиска с точностью до километра хотя бы по координатам развёрнутой хроноустановки (а ведь мне сказали, что она не мобильна!), я получил довольно невнятный ответ на тему того, что возможности этой самой хроноустановки позволяют её пользователю ставить некие помехи, сильно искажающие местоположение «аппарата» не только в пространстве, но и во времени. Как-то не очень в это верилось (ну явно же что-то они тут недоговаривали!), но раз уж всё сложилось именно так — буду танцевать от печки. Ведь рано или поздно этот мерзавец за чем-нибудь да и вылезет на свежий воздух...

В общем, пора было приступать и уже начинать что-то делать.

Я огляделся вокруг ещё раз.

Остатки тумана понемногу рассеялись. И теперь впереди меня, на морской глади бухты, обозначились растащенные по стоянкам ближе к берегу, замершие на якорях серые с зеленоватым отливом силуэты боевых кораблей, больших